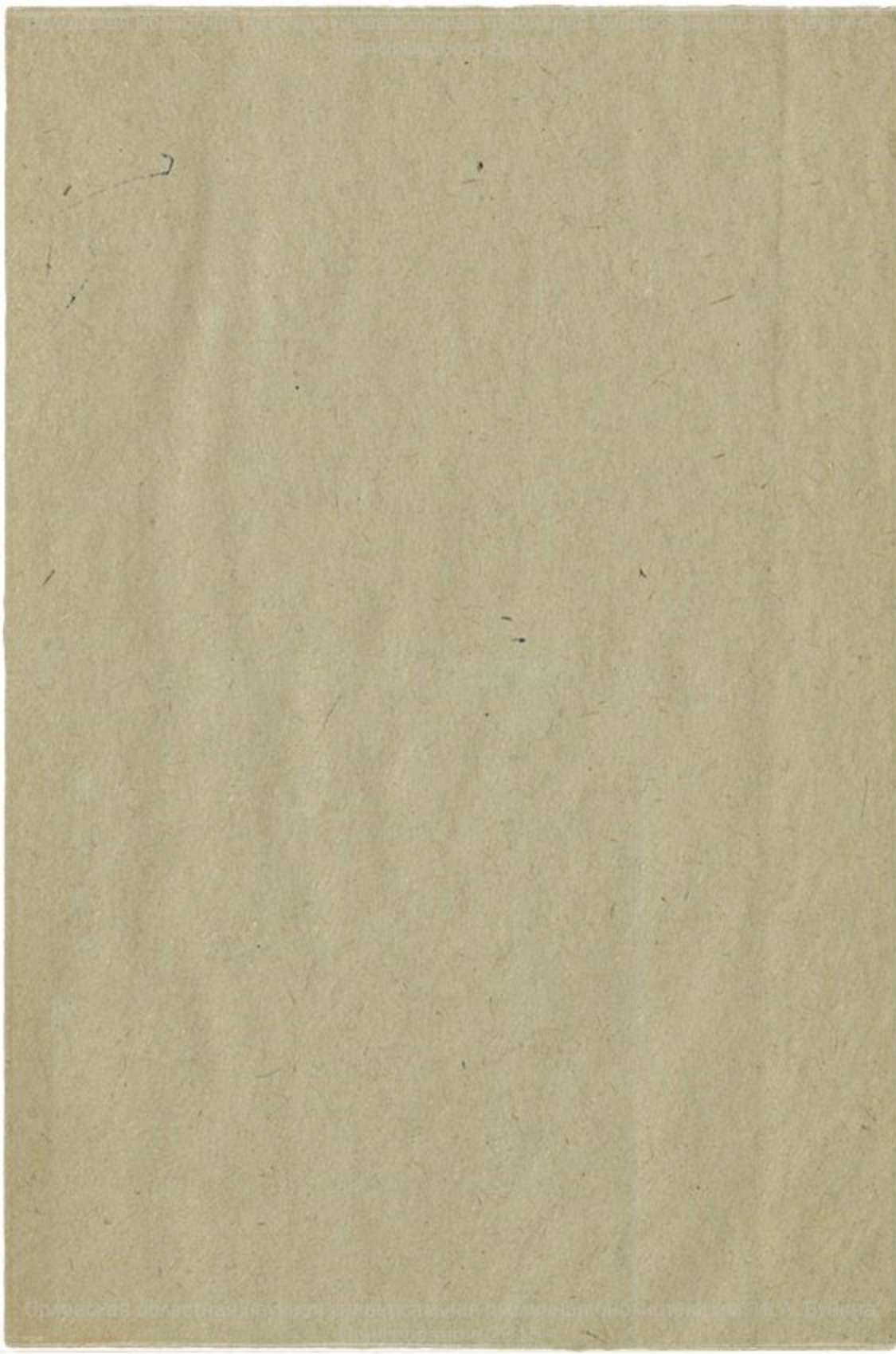
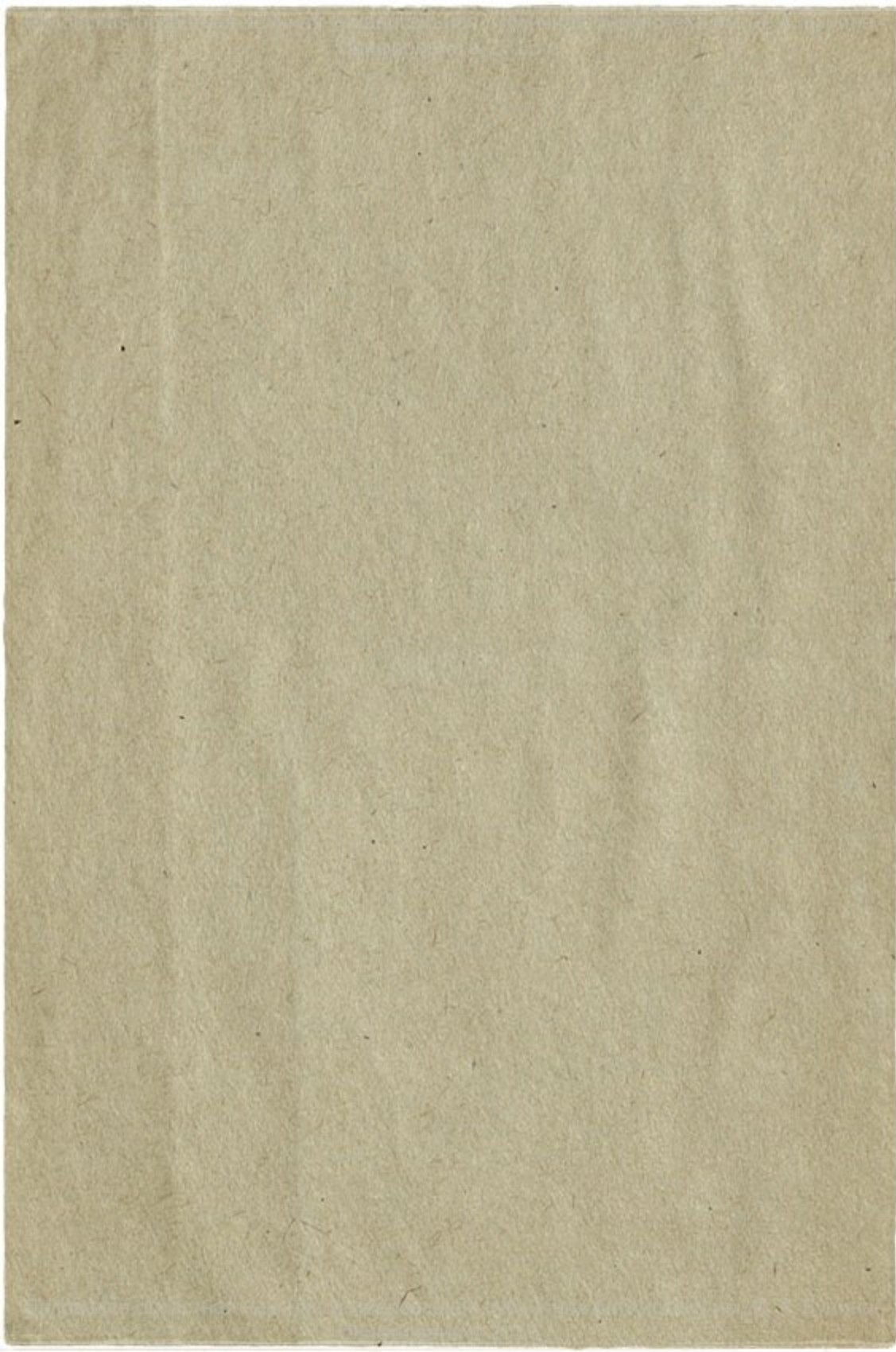

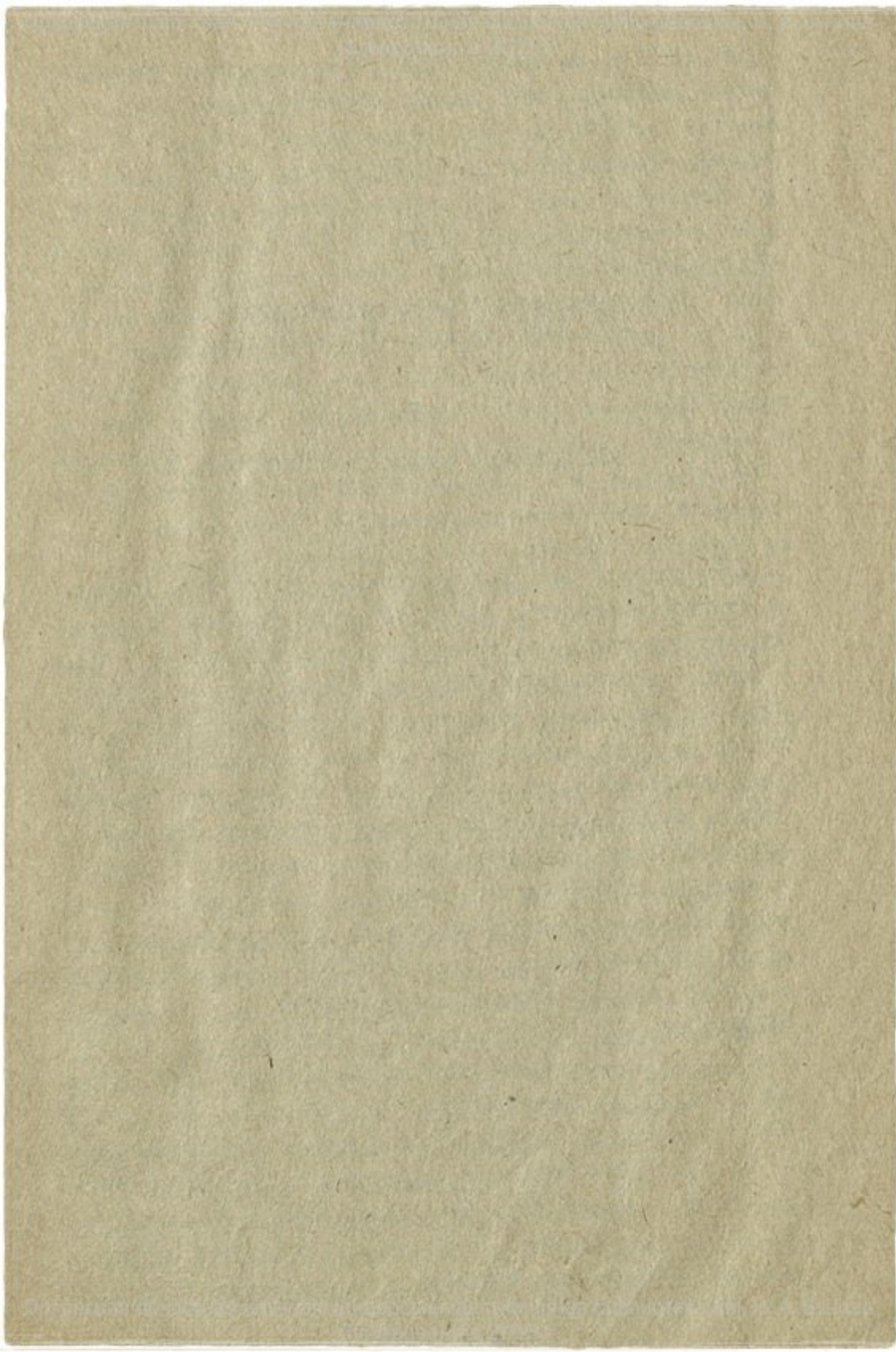

700669

9

ОРЛОВСКАЯ СТАРИНА.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ТАМОШНЯГО СТАРОШИЛА.

Сколько есть на Руси охотниковъ, что-нибудь написать и «тисненію предать», это всего лучше извѣстно журналистамъ, пишущимъ статьи перечитывать и, увы! какъ часто напрасно перечитывать кинны всамсамою бумага. Пѣсколь-ко лѣтъ тому назадъ, эта страсть полтераторствовать, свирѣпствовала въ особенности въ видѣ стихотворной эниде-кин; нынче всѣ сознающіе въ себѣ литературное призваніе хотятъ быть романистами и писать повѣсти. А сколько изъ всей массы «первыхъ опытовъ» выходитъ хорошаго, о томъ свидѣлствуютъ печатные документы. И кромѣ этого есть еще не малое число такихъ обуреваемыхъ ли-тературною страстишкою, которые только ощущаютъ потреб-ность писать, но рѣшительно не знаютъ, за что взяться. Имъ-то въ особенности мы, съ милостиваго ихъ позволе-нія, дали бы вотъ какой совѣтъ. Всѣмъ уже давно извѣст-но тысячу разъ повторявшееся изрѣченіе, что мы, русскій благороснитанный людъ, хорошо знаемъ всякія заморскія земли, съ ихъ бытомъ и исторіей, а свою родную землю, матуш-ку Россію, знаемъ недостаточно. Сущая правда. Научный спо-собъ изученія древняго быта нашего отечества по памят-никамъ начался еще очень недавно: памятники, матеріалы,

только-что собираются. Къ важнѣйшимъ материаламъ исторіи всякой разсматриваемой эпохи, безъ сомнѣнія, принадлежатъ современныя записки, 메모ары. И чѣмъ отдаленнѣе эпоха, тѣмъ ощутительнѣе для необходимыхъ поясненій недостатокъ такихъ мемоаровъ, и тѣмъ болѣе труда для ученаго историка, — тѣмъ болѣе поводовъ сочинять гипотезы только для того, чтобы другой могъ разрушить ихъ новыми гипотезами. Чѣмъ болѣе есть современныхъ записокъ, тѣмъ больше трудъ историка облегчается и упрощается. Зачѣмъ же дожидаться, чтобы самая ближайшая къ намъ старина, за невѣдѣніемъ такихъ записокъ, подала будущимъ историкамъ поводъ къ «ученымъ трудамъ» и къ гипотезамъ? Вамъ хочется писать, и вы только не знаете, за что взяться? Возьмите тетрадь бумаги, пошлите къ какому-нибудь почтовому и ученому старожилу въ томъ городѣ или городкѣ, гдѣ вы живете, попросите порассказать о быломъ, о томъ, что онъ видѣлъ и знаетъ, слово, обо всемъ томъ, о чемъ такъ любятъ вспоминать старики; слушайте и записывайте, записывайте не мудрствуя лукаво, а правдиво, слово въ слово, какъ услышите, и придавайте лѣтописи только порядокъ, если будетъ нужно. Такимъ образомъ вы можете подготовить историкѣ весьма важный матеріалъ и вообще содѣйствовать вашимъ соотечественникамъ къ изученію Россіи, — къ познанію своего отечества. Будьте увѣрены при томъ, что эта работа очень занимательна: вы сами узнаете много чрезвычайно любопытнаго. Доказательство — слѣдующая здѣсь лѣтопись одного почтеннаго орловскаго старожилы, имъ самимъ описанная, въ которой вы найдете столько же занимательнаго о городѣ Орлѣ за пятьдесятъ и за тридцатъ лѣтъ назадъ, точно какъ будто бы дѣло шло о какомъ-нибудь чужомъ краѣ сѣвера или о самой отдаленной древности.

Съ благодарностью принявъ отъ почтеннаго орловскаго старожилы его рукопись, мы выписываемъ изъ нея самыя любопытныя мѣста съ сохраненіемъ всего его способа выраженія, и только позволяемъ себѣ, собственно въ облегче-

нѣ нашихъ читателей, сдѣлать нѣкоторыя грамматическія поправки въ правописаніи.

«Городъ Орелъ заложенъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, по благословенію россійскаго митрополита Макарія, отъ воплощенія Бога-Слова въ 1565 году, и продолжалъ селиться до 1602 года. А по воцареніи царя Бориса Федоровича Годунова, грѣхъ ради нашихъ, по попущенію Божию, былъ гладъ въ Россіи три лѣта. Въ то время появился въ Польскомъ королевствѣ самозванецъ по имени Гришка Отрепьевъ; являлся царевичемъ Дмитріемъ и оболстывалъ короля и вельможъ польскихъ, такъ-что повѣрили ему и дали войско. По вступленіи Отрепьева въ Россію съ войскомъ, многіе города пристали къ нему. Собралась рать великая. Услышалъ царь Борисъ Федоровичъ, что Гришка Отрепьевъ идетъ на Россію, и послалъ царь войско на встрѣчу самозванцу, а войско встрѣтило его подъ Брянскомъ, и вмѣсто отпора признало самозванца за царевича и цѣловало ему крестъ. Изъ города Брянска онъ разстрига писалъ указы въ Москву, и въ Тулу, и въ Рязань, и въ Калугу и въ Орловское городище. Москва, Тула, Рязань и Калуга его Отрепьева признали за царевича и цѣловали крестъ, а Орловское городище не признало, потому-что здѣсь былъ воеводою царской братъ Иванъ Федоровичъ Годуновъ. За это послѣ Гришка Отрепьевъ первѣйш. хъ граждєвъ орловскихъ казнилъ, а прочихъ разбѣгалъ въ разные города. Это было въ 1602 году. По убіеніи Гришки Отрепьева въ 1607 году, появился второй самозванецъ, Петрушка Болотниковъ, который собралъ шайку бродягъ, и многіе бояре къ нему приложились. Болотниковъ пришелъ къ Орлу и сталъ въ немъ собирать войско, и отселъ посылалъ указы въ разные русскія города, а послѣ перенялъ въ Калугу, гдѣ и былъ убитъ. Тогда служившіе ему крымскіе и ногайскіе Татари всѣ разбѣжались и многіа города, подвластныхъ самозванцу, выжгли. Тутъ же и Орелъ весь до основанія выжечь.

Въ 1612 году, по воцареніи Михаила Федоровича, на

чали выгнать изъ Россіи Поляковъ. Тогда Поляки собрались около города Орла, по рѣкѣ Орлику, на Царевомъ Бродѣ и стояли тутъ до прибытія боярина Пожарскаго и гражданина Мивина, которые и погнали ихъ изъ Россіи. А по изгнаніи Поляковъ, повелѣніемъ благочестиваго царя Михаила Федоровича и по благословенію отца его Филарета, патріарха московскаго, ради убиенныхъ православныхъ воиновъ построена деревянная церковь во имя Введенія Божіей Матери.

Въ 1709 году, когда черезъ Орелъ ѣхалъ Государь Петръ Великій на преславное полтавское сраженіе, въ городѣ Орлѣ было всего очень мало домовъ, а стояли они лицомъ къ рѣкѣ Орлику. Гдѣ теперь церковь Богоявленія, тутъ были у нихъ огороды; гдѣ стоялъ старый городъ, а теперь первая часть, тутъ видны были развалины; а гдѣ теперь мужской и отрочъ монастырь, тутъ былъ большой дубовой лѣсъ. Гдѣ теперь нижняя мельница на рѣкѣ Орликѣ, тутъ была церковь и присутственное мѣсто. Послѣ церковь сломана и перенесена за рѣку, на гору, гдѣ и теперь стоитъ. Гдѣ теперь церковь святаго великомученика Никиты, тамъ прежде былъ лѣсъ; а гдѣ Новосильская улица, отъ рѣки Оки по лѣвую руку, тамъ стоялъ глголь, на которомъ вѣшали людей за пехорошія дѣла; а нижняя улица вся была въ болотѣ и лѣсѣ, гдѣ водились дикіе гуси и утки....* Словомъ сказать, старой города нѣтъ свои границы въ первой части, гдѣ верхняя мельница, такъ-что церковь Михаила Архангела приходилась на краю города, а между городомъ и Пушкарскою слободою было поле. Эта слобода была выслана изъ Москвы при императорѣ Петрѣ-Первомъ, а были это прежде бунтовщики пушкари изъ стараго нерегулярнаго войска. И Стрѣлецкая слобода была населена съ пушкарями изъ одоо вре-

* Слѣдуютъ дальнѣйшія указанія, гдѣ что было и стояло на мѣстахъ нынѣшнихъ зданий и улицъ, указанія, къ сожалѣнію, слѣдующихъ сбмчшвыи.

ня и находилась въ сѣмѣности съ самымъ старымъ городомъ, а по разведеніи города по плану, перенесена, гдѣ теперь находится. Гдѣ теперь церковь святаго Калиты, тутъ былъ лѣсъ. Возлѣ лѣсу стоялъ старый убогой домъ (до 1821 года), гдѣ въ зимнее время клали бѣдныхъ мертвыхъ, утопшихъ и замерзшихъ, а по прошествіи зимы, послѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, на Фоминой недѣлѣ во вторникъ, торжественно погребали ихъ. Къ этому дню народъ сходился изъ города и изъ разныхъ деревень и составляли ярмарку.... А гдѣ теперь присутственные мѣста, тамъ монастырскіе крестьяне хлѣбъ сѣяли.

До 1820 года были по улицамъ капавы для стоку воды, отступя отъ стросвѣя на сажень; а мостовая была деревянная только посередкѣ. Особливо, когда городъ еще не былъ по плану разведенъ, улицы были узкія, такія что едва только могли встрѣчныя двѣ телеги разъѣхаться. Домовъ крашевыхъ купеческихъ или мѣщанскихъ отнюдь не было, кромѣ господскихъ.

До 1800 во всемъ городѣ Орлѣ былъ только одинъ трактиръ подъ названіемъ Теленковъ. Находился онъ въ третьей части, наспротивъ церкви святаго Георгія, и была одна во всемъ Орлѣ табашная лавка; находилась въ рыбныхъ рядахъ, подлѣ домомъ купца Якова Ермзкова, на самомъ углу. Народъ такъ не терпѣлъ табашниковъ, что отцы гнушались дѣтей, дѣти отцовъ, — которые отцы нюхали табакъ, — и жены мужей. А женщины въ то время не нюхали. Даже, бывало, когда кто начиналъ нюхать табакъ, то его изъ семейства выговяли, не пили съ нимъ и не ѣли, а все отращеніе имѣли какъ отъ собаки.

Еще была пѣвчая (?), гдѣ нынѣ городской деревянный Штейнмановъ домъ. Въ 1805 или 1806 привезли въ ту пѣвчую органъ, а какъ жители такого органа отроду не слыхивали, то съ ведѣлю толпѣлся около пѣвчей, и было столько народу, что по улицѣ ни пройти ни проѣхать было нельзя.

Адѣтъ семидесятъ тому назадъ, орловскій купецъ Ивашъ

Афанасьевичъ Давыдовъ въ первый разъ привезъ самоваръ и поставилъ на окошкѣ, и народъ съ ведѣлю толпился около его двора; всѣ дивились, что самъ грѣется. А прежде этого былъ въ употребленіи черные мѣдные чайники, и въ тѣ поры мало пивали чаю; больше въ употребленіи были шалфей. А кто хаживалъ въ трахтиръ, былъ въ великомъ осужденіи. Такъ ежели случится молодому человѣку холостому зайти въ трахтиръ и послѣ вздумаетъ жениться, то какъ скоро узнаютъ, что онъ былъ въ трахтирѣ, то не отдадутъ ни за что на какой дѣвка; только говорятъ: «Охъ, матушка, онъ трахтиршыкъ; у трахтире былъ!».

✓ До 1800 года господа дворяне носили мундиры длинныя шляпы косыя; головы были съ пудрою и косы назад; сапоги большіе, выше колѣнъ, а штаны по-большей части желтыя досицыя. Въ рукахъ имѣли трости. Барыни были въ чепчикахъ; платье по-большей части бѣлое; хвостъ длинный, аршина въ три, который несла за барыней дѣвка; въ жаркое время у барынь были въ рукахъ, махалы. Гребешковъ головныхъ въ-тѣ-поры мало было въ употребленіи и шляпокъ не было.

✓ Кунечество и мѣщанство первостепенныя носили шляпы поярчатая, обшитыя бахромкой, а крылья большія; зимою треушокъ небольшой; были и бобровыя; въ лѣтнее время кафтанчики съ валиками, подпоясанныя, а сверху свита хорошая; сапоги большіе. Зимою въ полушубкахъ съ серебряными пуговками, а сверху шуба лисья и кенъги на ногахъ.

«А молодцы щеголяли — волосы большіе лежали по плечамъ; шляпа поярчатая, — колпакъ высокій, а крылья большія, почти четыре вершка, и опушенная бахромкою, а внизъ на колпакѣ бархатка, шириною въ вершокъ, съ пружкой, а у самого щеголя — двѣ, разноцвѣтныя, яркія. Кафтанъ лучшаго сукна съ валиками позади, — всѣхъ валиковъ сорокъ восемь, — а поверхъ валиковъ подпояска хорошаго шелку, со складкою, шириною въ четверть и

больше. Сапоги козловые со скрипомъ; каблуки строченные бѣлою бумагой, а носы въ сапогахъ длинныя, острые. Перчатки носили бѣлыя вѣтлыя. А хаживали, особливо на Свѣтлое Воскресенье, около дѣвичьихъ хоровадовъ человекъ даже по двадцати вѣстѣ.

•Малые ребята до пятнадцати лѣтъ бѣгали по улицамъ безо всякаго дѣла, а дѣвки безъ юбокъ до двѣнадцати лѣтъ. Маленькии дѣвочкамъ, когда были пяти лѣтъ, къ косамъ привязывали жохоръ, вынизанный разнымъ бисеромъ, видомъ треугольника, дабы онъ тягостью своею тянулъ вѣзъ, а коса бы оттого больше росла. Съ десяти лѣтъ дѣвочки обучали прядь.

•А невѣсты дѣвушки, когда невѣстались, тогда выносили стулъ на улицу и ставили противъ воротъ, аршина на два отъ строевѣя, а дѣвушка наряжается, надѣваетъ рубаху тамбурной работы, какая только есть лучшая, съ манжетами; юбку золотой парчи и душегрѣйку парчевую, обложенную позументомъ хорошимъ или газомъ; на голову платокъ весь шитый золотомъ; лицо набѣлениши и парумляниши; въ ухахъ серги удѣлиши вѣсомъ съ полфунта; на шеѣ жемчугъ крупный во всю шею, а въ рукахъ платокъ держать и сидитъ на стулѣ. А бѣдная, вѣтъ стула, на скнѣйкѣ сидѣла, а платья и дѣвали шелковыя или ситцевыя. А женихи около нихъ по улицѣ хаживали и такъ себѣ невѣсть выбирали.

•Около 1790 года, куда на фатеру солдата поставятъ и въ томъ домѣ есть дѣвушка невѣста, то солдата хоть пять годовъ стой, ничего не увидитъ: все держали дѣвокъ въ заперти, и дѣвки бавивались солдата.

•Старухи хаживали въ низенькихъ гребыхъ кокошникахъ, парчевыхъ, и шелковыхъ; въ ухахъ серги; рубаха кисейная; обложенъ шелковый или китайчатый, обложенный вокругъ кружевами, и съ серебряными пуговицами; на ногахъ ходики; а въ це, ловъ или въ гости хаживали одѣвши жѣловую шубу, арычую шелковою или китайчатою на-

теріей. Голову покрывали бѣлымъ кисейнымъ покрываломъ. Въ рукахъ носили палку.

До 1770 года жившіе у хозяевъ работники и приказчики платы получали въ годъ, ежели пятнадцати лѣтъ, то 1 рубль 50 копѣекъ и 2 рубля; ежели двадцати лѣтъ, то 5 рублей; а главный приказчикъ получалъ 25 рублей въ годъ: дороже не было. Въ тѣ-поры по всѣмъ хозяевамъ книгъ записныхъ долговыхъ не было какъ нынче, а ежели кто у кого дѣлаеть заборъ, то мѣтил на бирку. А ежели кто долго не станеть платить долгу, то кредиторъ приходитъ къ должнику и говорить: «Отдашь ты мнѣ долгъ или нѣтъ? А то срѣжу», — то есть, что за нимъ замѣчено на биркѣ. Тогда должникъ повергается на землю, кланяется въ ноги и говорить: «Пожалуйста, не срѣзывай; я деньги отдамъ». А ежели не отдасть, тогда приходитъ какой либо праздникъ или воскресный день, и кредиторъ и должникъ приходятъ къ обѣднѣ. Тамъ кредиторъ при всемъ народѣ снимаетъ съ головы должника шляпу, и тотъ уже остается самымъ негоднымъ человѣкомъ въ городѣ.

До 1810 года, въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія, было обыкновеніе, ежели кто изъ жителей проснитъ утреню, то сосѣди собираются къ нему тиховько и стараются изловить спящаго, особливо на постелѣ, схватятъ и съ великимъ крикомъ ведутъ хотя и въ одной рубахѣ, разумши, прямо къ колодцу, и вскупаютъ, — ведерь пятьдесятъ на него выльютъ. А ежели по близости рѣка, то въ рѣкѣ вскупаютъ при многочисленномъ собраніи народа, для увеселенія.

Послѣ обѣдни, во всю Свѣтлую Недѣлю, народъ собирался на Воздвиженскую площадь, гдѣ было построено до пятидесяти овощныхъ лавокъ. Дѣвушки ходили артелями, а

Вѣроятно, срѣзываніе мнитчанаго на биркѣ, уничтоженіе безнадежнаго долга, было только первымъ актомъ этого осраженія при всемъ народѣ. Стало-быть и употребленіе нынче въ видѣ метафоры выраженія «срѣзалъ его», «срѣзался», имѣли вовсе не метафорическое, а прямое, буквальное значеніе.

молодцы заводили кулачные бои. У Николы на Пескахъ и у Никиты на Богдановкѣ также было гулянье, только безъ кулачнаго бою. Въ этотъ праздникъ жители хаживали на колокольню, звонить; и женщины и дѣвушки, и малые ребята непременно должны были хоть три раза ударить въ колоколь, и думали, что ежели кто позвонитъ въ колоколь, то во весь годъ не будетъ голова болѣть.

Въ Троицынъ день народъ отправлялся гулять въ Мо-настырскую рошу, что была на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь казармы стоятъ. Народъ весь изъ города выходилъ, и молодой и старый, кромѣ того, кому остаться для дому. Каждая артель несла съ собою корован. Придя въ рошу и погулявши, сядутъ въ кружокъ, разстелютъ пастельникъ, поставятъ корован, вино и пиво, и пьютъ, и пѣсни поютъ, и дѣвки и молодцы по рошѣ артелями гуляютъ, а въ иномъ мѣстѣ дѣвки и бабы хоромы дѣлаютъ, и поютъ и скачутъ. Тутъ же въ лѣсу поставятъ до пяти временныхъ кабаковъ, а въ каждомъ кабакѣ вмѣсто рюмокъ и стакановъ приготовлено до пяти-сотъ плошекъ, которыя черныи народъ разбираетъ: пьютъ вина или пива, возмусь и пойдутъ въ кружокъ, и пьютъ, и поютъ, и хохочутъ и ногами топчутъ. А въ иномъ мѣстѣ комедіаны комедіи на веревкахъ и на разныхъ штукахъ представляютъ.

На Петровъ день было гулянье возлѣ верхней мѣлишцы. Тутъ были и качели веревчатыя и круговыя, и стояли шалаши съ фруктами, и продолжалось это гулянье два дня.

А перваго августа было обыкновеніе воду свѣтить и весь почти народъ въ рубахахъ купался, даже младенцевъ, и тѣхъ всѣхъ перекупаютъ.

Перваго сентября мухъ и блохъ живыхъ хоронили.

О Сырновъ недѣль, и еще недѣль за двѣ, начнутъ собираться шайки гулякъ, и составляютъ обозы. Около саней сдѣлаютъ подобія заставсокъ кругомъ изъ рогожъ; запрягутъ тройку лошадей и сядутъ въ сани человекъ по десяти и по пятнадцати пѣсенниковъ, и пойдутъ по городу ватаваться, причя во все горло пѣсни, ивыд и съ тарелками. А еже-

ли гдѣ въ улицѣ обозъ на обозъ заѣдетъ, то часто и дѣрался. Въ 1806 году орловскій мѣщанинъ Сергѣй Сергѣевъ Пирожковъ собралъ къ себѣ отважныхъ такихъ людей гулякъ недѣли за двѣ до Масляницы; убрали обозъ, а именно лучшую телегу на верху вмѣсто рогожъ обвѣшали голубою тафтой, а грядки, и правилы, оглобли и шпесъ всѣ были обернуты разноцвѣтными бумажками, а на головахъ всѣхъ трехъ лошадей были хохлы на подобіе золотыхъ. На шляпахъ были у всѣхъ широкія ленты, а всѣхъ въ телегѣ было человѣкъ пятнадцать пѣсепниковъ, и съ тарелками.

«Въ 1779 году, января 10, въ городѣ Орлѣ было открытіе губерніи и большое торжество. На рѣкѣ Окѣ, отъ новаго мосту повыше, сажень на сто, на льду былъ сдѣланъ родъ амвона, возвышенное мѣсто. На немъ стоялъ быкъ съ золотыми рогами, вмѣсто мяса подъ кожей весь начиненный жареными поросятами, гусями, пидѣйками и курями и опять зашитый. Въ церквѣ Покрова Пресвятыя Богородицы отслужили обѣдню при многомъ стеченіи народу, а по окончаніи обѣдни отправился всѣ на ледъ, и первый губернаторъ, Александръ Васильевичъ Гревсъ, отдалъ приказъ выстрѣлить залпомъ изъ шести орудій, которыя стояли на лѣвомъ берегу рѣки Оки, гдѣ теперь у мясныхъ рядовъ переулокъ, и тогда пошелъ по всему городу колокольный звонъ, и стали кричать ура, и принялись за быка: всякой желалъ оторвать быку голову, а кто оторветъ быку голову, тому сулили 25 рублей. Тутъ явились разные слуги поперемѣнно, и наконецъ оторвалъ быку голову орловскій мѣщанинъ Василій Федорычъ Чепурный. А по оторваніи головы, сорвали съ быка кожу и расхватали дичь всю, и начали пить вино, ибо тутъ на этотъ случай были разставлены подрѣзы. Это гулянье продолжалось до глубокой ночи.

«Въ старой полиціи служителей мало было; по будкамъ на часахъ по почтамъ по большей части стояли жители, поочередно; буде мужчины нѣтъ, то женщины; ежели женщины нѣтъ или недосужно, то сынъ; ежели сына нѣтъ, то дочь хотя и невѣста: всѣ каживали караулить по будкамъ.

Пожарной команды и инструментовъ не было; жители сами пожары тушили. Изъ каждой харчевни лошадь съ бочкою выѣзжала. Жителя всѣ также шли, кто съ багромъ, кто съ топоромъ, кто съ помеломъ, кто съ ведромъ: такъ кому съ чѣмъ быть, то у того на воротахъ и была прибита досечка съ изображеніемъ, какъ вынче по всѣмъ деревнямъ есть. А если случится пожаръ, и кто изъ жителей не былъ со своимъ инструментомъ, съ того брали пени по пятидесяти копѣекъ.

Въ 1821 году, 1 іюня, поступилъ къ намъ губернаторомъ незабвенный благодѣтель нашъ Николай Пвановичъ Шрейдеръ. Взлвшшеъ за управленіе какъ настоящій хозяинъ, онъ вѣкъ о городѣ Орлѣ и жителяхъ, все равно, какъ отецъ о своихъ дѣтяхъ. Въ началѣ издавъ онъ афишки по всему городу за подписомъ полиціймейстера Егора Борисовича Самсонова, человека остраго разума и похождения смирнаго, и расторопнаго во всѣхъ дѣлахъ. Афишки были слѣдующаго содержанія: первое, чтобы въ домахъ на улицу, колыни паче на большихъ улицахъ, стеколъ разбитыхъ не было, и бумагою заклеенныхъ; второе, чтобы грубы всѣ были почищены и выбѣлены, а то много худыхъ было прежде; третье, чтобы бревенъ, и достокъ, и кирпичей насупротивъ домовъ по улицамъ не было, а прежде этого лѣсу и камней нагладуть, бывало, такъ-что съ трудомъ можно пройти, нето чтобы проѣхать: четвертое, въ лѣтнее время чтобы на каждомъ дворѣ была кадушка съ водою, для пожарнаго случая; пятое, чтобы по улицамъ коровъ и свиней отнюдь не пускали, а прежде, бывало, свиньи всѣ казнаы въ городѣ изроютъ. Такъ и обо всемъ прочемъ и полиція и всѣ жители, чтобы знали, что слѣдуетъ дѣлать. Съ тѣхъ поръ у насъ и мостовыя помостили, и тротуары по дѣлали, и тесомъ дома пообшили и покрасили, и всякой теперь на свой же домъ не надвигается.

Въ 1837 году, 18 августа, въ 7 часовъ вечера прибылъ къ намъ въ городъ Орелъ проѣдомъ въ путешествіи съ емаъ по Россіи Наслѣдникъ престола, Великій Князь Алек-

Савдръ Николаевичъ и изволилъ остановиться въ домѣ гражданскаго губернатора. На другой день Великій Князь отпразднелъ въ Борисоглѣбскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ епископомъ Никодимомъ со всѣмъ духовенствомъ, при многочисленномъ стеченіи народа и при крикахъ ура. По выслушаніи молебствія Его Высочество изволилъ отпразднелъ изъ собора на закладку кадетскаго корпуса Бахтина, подъ который былъ купленъ Бахтинскимъ домъ у графа Сергѣя Михайловича Каменскаго; а потомъ Великій Князь изволилъ дѣлать смотръ войску, двумъ полкамъ уланъ и двумъ полкамъ гусаръ; также изволилъ осматривать выставку разныхъ птицъ и растений, и благородный пансіонъ, и всѣ заведенія, а во дворцѣ принималъ чина. Вечеру былъ данъ дворянствомъ балъ и Его Высочество изволилъ быть на балѣ, а на другой день, 20 числа, изволилъ отпразднелъ по тракту на Курскъ, оставивъ 5000 рублей для раздачи бѣднымъ города Орла. А какъ до его пріѣзда на Сухой Орлицѣ выгорѣла слобода, 36 дворовъ, то Государь Наслѣдникъ этия погорѣлымъ изволилъ пожаловать 2000 рублей.

Мы извлекли изъ записокъ почтеннаго орловскаго старожилла все, что годилось въ печать, и жалѣемъ только, что онъ велъ ихъ слишкомъ отрывчато. Однако жъ мы надѣемся, что его примѣръ по крайней мѣрѣ будетъ полезенъ и заставитъ другихъ, помнящихъ бывшее на родинѣ, сохранить его въ подобномъ простосердечномъ и правдивомъ разсказѣ для новыхъ поколѣній, жаждущихъ знакомства со своимъ отечествомъ:

